

Что Зигмунд Фрейд понял о евреях, но не смог объяснить?

Зигмунд Фрейд, родившийся в еврейской семье в середине XIX-го века и известный многим как основатель психоанализа, был в своих убеждениях и практиках глубоко светским человеком и позиционировал себя как атеиста. В большинстве своих трудов он выражал явное презрение, если даже не прямую враждебность, по отношению ко всем религиям, включая иудаизм. «Религия – это общечеловеческий навязчивый невроз», – написал он однажды, а самого себя назвал «нечестивым евреем» и «одним из самых опасных противников религии».

И это не единственное подобное заявление с его стороны.

В 1930 году Фрейд написал предисловие к предстоящей публикации перевода на иврит одной из своих работ, книги «Тотем и табу», где речь шла о происхождении морали и религии. В нем психоаналитик в свойственной ему манере подчеркнул, что придерживается позиции некоего нейтралитета и не делает никаких исключений в пользу иудаизма, а себя описал как отказавшегося от всех характерных особенностей и обычаев, присущих его братьям-евреям.

В свете этого то, что он пишет дальше, можно воспринимать как нечто совершенно удивительное.

«Ни один читатель... не сможет с легкостью поставить себя в эмоциональное положение писателя, который... полностью оторван от религии своих отцов... но который за все годы жизни ни разу не отвергал своего происхождения. Который чувствует, что по своей сущности он еврей, и у кого нет желания изменить это... Если бы ему задали вопрос: «Раз уж вы отказались от обычаев своего народа, то что тогда в вас осталось еврейского?», он бы ответил: «Во мне осталось очень много – вероятно, сама еврейская сущность». Пожалуй, он не мог бы ясно выразить через

слова, в чем эта сущность заключается; но однажды, без сомнения, даже людям науки станет доступным и понятным, о чем идет речь».

«Писатель», о котором говорит Фрейд в этих строках, – это, конечно же, он сам.

Что ж, весьма интересно получается! Ученый заявляет миру, что, несмотря на кажущееся абсолютное недовольство идеями и традициями иудаизма, он остается евреем по своей сути – и признает, что это то, что его научный разум не в состоянии полностью объяснить.

Мне кажется, что это необычное утверждение отражает важнейшую идею, которая является ключом к пониманию одной из самых удивительных особенностей еврейского народа.

Дискуссии как образ жизни

Кажется, все слышали слова о том, что на двух евреев приходится три мнения, и относились к этому с юмором. Однако на самом деле в этой шутке содержится большая доля правды.

Мы, евреи, по многим вопросам привыкли друг с другом не соглашаться. Конечно, сами мы стараемся эту тему максимально сгладить и замаскировать ее под желание находить новые решения, не останавливаясь на уже имеющихся и утверждая, что в споре рождается истина.. Но, согласитесь, со стороны это больше похоже на то, что мы просто очень упрямы и склонны к спорам.

Более того, на протяжении многих поколений эта особенность действительно характеризовала наш народ – стоит только вспомнить о захватывающих дискуссиях Талмуда между сторонниками школ Шама и Гилеля. Более того, Талмуд будто воспринимает это как нечто само собой разумеющееся, что должно быть только так и никак иначе: «Как не похожи их лица, так не похожи и их мнения».¹

Что ж, с одной стороны, так оно и есть.

Евреи могут спорить почти обо всем и постоянно это делают. Мы не только обсуждаем, как соблюдать Шабат, какую пищу можно есть или как должны выглядеть наши синагоги. Мы спорим и о вариантах, как добиться мира для Израиля, и относительно иммиграционной политики, и того, как противостоять актам насилия с применением оружия, растущей ассимиляции и антисемитизму. А уж сколько у нас различных традиций, связанных с тем, как правильно молиться...

Возможно ли объединить всех евреев?

Но что удивляет в этом явлении больше всего, так это то, что хотя мы неустанно спорим друг с другом, большинство из нас искренне жаждет единства еврейского народа.

Мы стремимся к нему, напоминаем об этом друг другу и в отчаянии опускаем руки, когда оно все же от нас ускользает. (После чего оборачиваемся и обвиняем друг друга в произошедшем...) И наоборот, мы восхищаемся любыми мимолетными проявлениями еврейского единения. Мурашки бегут по нашей коже

всякий раз, когда мы становимся свидетелями искреннего объединения евреев, придерживающихся разных убеждений, разных традиций и обычаев.

Итак, что мы имеем? Как могут люди так отчаянно отстаивать свои права на то, чтобы разделяться по различным лагерям и подгруппам, школам мысли и т.д., если одновременно с этим они всем сердцем мечтают быть *ам эхад* – единым и исключительным народом? Как можно ожидать, что мы будем «любить своего ближнего так же, как самих себя», если мы едва ли можем определить между нами хоть какие-то общие черты?

Многие из нас спрашивали себя: должен ли я любить какого-то человека, который заставляет меня съезжаться каждый раз, когда озвучивает свои взгляды и убеждения? Того, чье понимание иудаизма кажется мне абсолютно обратным тому, что я считаю адекватным? Того, кто, как мне кажется, позорит весь наш народ?!

Ну а испытывая такие непримиримые разногласия, как мы можем считать, что действительно стремимся к единству евреев?

Фактор души

Давайте попробуем ответить на этот вопрос, рассмотрев концепцию еврейской души, *нешамы*, которая, как говорил рабби Шнеур Залман из Ляд, является прочным духовным ядром каждого еврея.

Он пишет, что то самое неизменное и неделимое, объединяющее всех нас – это искра Божественности, заложенная в нас Самим Всемогущим и одинаковая для каждого еврея. В ней-то и заключается суть нашего еврейства, которая превосходит все те многочисленные различия, которые, как может показаться на первый взгляд, делают нас такими непохожими и непримиримыми.

Да, это правда, что мы расходимся во мнениях по жизненно важным вопросам. Мы можем схлестнуться в бурных спорах словно две стихии, когда дело доходит до основ иудаизма: Всевышнего, Торы, заповедей. Но примечательно то, что эти различия не представляют собой суть нашего внутреннего еврейства. А то,

что эту еврейскую сущность действительно определяет, – это *нешама*, благодаря которой мы все равны.

Повторю: по своей глубокой внутренней сути мы все в равной степени евреи.

Несмотря на наши глубокие разногласия по поводу того, как должен выглядеть еврей и как должно проявляться наше еврейство, в основе иудаизма лежит нечто абсолютное и неизменное.

Та же концепция применяется и на индивидуальном уровне. Все мы в разные периоды своей жизни переживаем взлеты и падения – в том числе, это касается и ведения еврейского образа жизни. В некоторые дни мы словно больше соответствуем образу добропорядочных евреев, чем в другие... Но, несмотря на эти изменения, природа нашего настоящего «еврейства» остается прежней. Она – наша константа. Она определяет нас как тех, кто мы есть. Каждого из нас. Постоянно.

Фрейд, самопровозглашенный «нечестивый еврей», понял эту истину, размышляя о своем еврействе. И хотя он заявляет о своей неспособности объяснить ее, он осознает существование своей еврейской сущности и полностью принимает ее. Рабби Шнеур Залман вряд ли бы удивился такому положению дел. Полагаю, он бы понимающе улыбнулся.

Ключ к единству

Теперь вернемся к загадке еврейского единства.

Каким образом оно может в качестве высшей идеи выстоять перед лицом всех имеющихся между нами разногласий и разобщенности? Мы понимаем, что наше родство не является результатом схожести идей и размышлений между нами, общих ценностей или даже нашей приверженности Торе и заповедям. В реальности все это может меняться в разные периоды и у разных людей. И наоборот, наше единство – это другая реальность, гораздо более глубокая,

устойчивая и последовательная, чем любая из наших идей или моделей поведения. Наше единство – это единство нашей сущности.

Если бы мы потратили время, чтобы поразмышлять о возвышенной внутренней природе каждой еврейской души, мы бы обнаружили, что золотой императив «любить своего ближнего как самих себя» – это не просто какое-то идеалистическое преувеличение или поэтическая банальность, а реальность, которая находится внутри каждого из нас. Мы приходим в этот мир, чтобы раскрыть ее и принять. И, безусловно, путь к этому месту назначения весьма нелегок, но он во многом зависит от наших возможностей.

Сноски

1. Брахот, 58.